

Елена
ПЬЕТИЛЯЙНЕН

г. Петрозаводск

СТОРОНА

Часть вторая

повесть

ОБВИНЕНИЯ

Двенадцать лет спустя

1

В южном городе Приморске знойный август осыпался яблоками и закатами. Яблоки пахли сладко и нежно, малиновые закаты обнимали своей негой небо и город.

За годы своей жизни на Кавказе в город курорт Артемий приехал впервые. Не по долгу службы, а именно как курортник — отдыхать и лечиться в санатории. Конечно, когда-то давно они с женой летали из своего северного Двинска на южное море ежегодно. Но та жизнь закончилась двенадцать лет тому назад. Закончилась разводом, рабочими конфликтами, накопившейся усталостью.

Новая жизнь началась новой работой на новом месте. И новыми надеждами. Горячие это были годы на Кавказе. И не только в климатическом смысле... Артемию казалось, что и этот период его когда-то новой жизни уже догорал, как забытый зимой костёр. Он шагал вдоль моря, и в такт его пружинистому шагу в голове пульсировали придуманные на ходу строчки:

*Засыпает первым снегопадом
Угли догоревшего костра.
Не смотри своим горящим взглядом
Ты в мои потухшие глаза...*

Артемий не стал за эти годы поэтом. Но, продолжая работать прокурором в одной из кавказских республик, часто находил стихосложение способом своего успокоения, даже утешения. Думая о тлеющем настоящем, сам пытался обрести смысл в только что сочинённых им строчках. Интересно, откуда в разгар августа в его сознании появился снегопад? Но додумать эту мысль он не успел.

«Помогите!» — донеслось откуда-то со стороны моря. Артемий остановился, прислушиваясь. «...ите!» — вновь долетел до него обрывок слабого, как будто женского или

Окончание. Начало в журнале «Север» №3-4 2020.

детского крика. Артемий стал вглядываться туда, откуда доносился зов о помощи. Рокот моря заглушал его, волны, набегая одна за другой, с яростью разбивались о берег, поднимая громаду жемчужных брызг. «Может, послышалось?» — подумал Артемий, пытаясь разглядеть в волнах человеческую голову. Так никого и не увидев, он решил отплыть на несколько метров от берега, чтобы развеять свои сомнения.

Артемий любил море и не боялся его. Нырнул. Плечо, зажившее после ранения, ещё немного болело, но уже не сковывало движений. Он плыл брассом, ныряя в набегавшие волны. Море охлаждало и успокаивало. Через некоторое время решил возвращаться к берегу. И тут почувствовал, что это невозможно — море упрямо тащило его вглубь, жёстко ломая сопротивление сильного тела.

«Волна-тягун», — догадался Артемий, подавляя в себе инстинктивную тревогу. Он знал, что в случае попадания в такое морское течение следует плыть в сторону, чтобы уйти от него. К берегу против течения не подобраться. Волна-тягун оправдывала своё название — она безжалостно тащила Артемию за собой. И тут он заметил безжизненно лежащее на волнах тело. Женщина молча лежала на спине, раскинув руки. Преодолевая сопротивление волн, Артемий подплыл ближе.

— Эй! — крикнул он, мучительно думая, что может ещё сказать.

Дотронулся до её руки.

Женщина вскрикнула и, перевернувшись, жалобно вздохнула: «Помогите...» Обессиленная борьбой с течением, она уже и не боролась, а просто лежала на спине и молила Господа спасти её.

— В сторону! Плывём в сторону! — уже командовал Артемий, рывком увлекая её за собой. Она подчинилась ему, мысленно благодаря Бога за неожиданную помощь, которой уже не чаяла дожидаться.

Плыть рядом с Артемием оказалось уже и не страшно. Он знал, что надо делать, куда двигаться, и Татьяна покорно плыла рядом, целиком полагаясь на его опыт. И хоть лицо периодически захлёстывала волна, но страх отпустил, и от этого, как ей казалось, сил прибавило.

По мере приближения к берегу тело вновь охватила липкая тревога — ведь прибрежная волна может ударить с такой силой, что и утопить ненароком...

— Я не могу больше! — крикнула она Артемию и повернулась на спину, чтобы отдохнуть и привыкнуть к мысли о новой борьбе с морской стихией.

Артемий подплыл ближе.

— Не бойтесь, ведь я рядом, — спокойно проговорил он, уже чувствуя под ногами дно. Оглянувшись, увидел, как подкатывает огромная волна, которая вот-вот накроет, завертит. А эта женщина, может, и не умеет нырять, как умел Артемий. И, ни о чём больше не рассуждая, он подхватил её на руки и понёс к берегу. Волна догнала, ударила сзади, накрыв их обоих пеной. Артемий устоял на ногах и удержал женщину, тело которой в воде казалось невесомым. И, преодолевая обратное движение волны, вынес её на берег и усадил на песок.

2

Татьяна сидела на прибрежном песке, откашливалась от морской воды и одновременно плакала. И как это её угораздило так попасть, что чуть было не пропасть?

Она любила море. Но оно ещё никогда не угрожало ей так, как сегодня. Рядом сидел мужчина, спасший её. Отдышавшись, Татьяна поднялась, сиротливо оглядевшись по сторонам в поисках своего сарафана, безнадежно махнула рукой. Как вспомнить, где она оставила свою одежду? Вероятно, её здорово отнесло от городского пляжа, на котором она безмятежно решила искупаться.

— Как вы? — участливо спросил мужчину, тоже вставая рядом.

— Вроде живая, — через силу улыбнулась Татьяна и добавила:

— Спасибо вам. Если бы не вы, то я бы, наверно...

Недоговорив, вдруг снова махнула рукой, вздохнула.

Пристально всматриваясь в него, продолжила:

— А вы давно здесь?

Она почему-то была уверена, что этот её спаситель приезжий, не из местных. Он ей смутно кого-то напоминал.

— Две недели уже, — спокойно ответил Артемий, оглядываясь. — Я сейчас, — успокоил он её жестом и двинулся к своей оставленной на берегу одежде. Вернувшись, протянул свою рубашку:

— Одевайтесь.

Несмотря на жару, Татьяну била дрожь. Она надела его клетчатую рубаху, подвернув рукава. Через силу улыбнувшись, спросила:

— Куда вам можно вернуть вашу рубашку?

Он ответил вопросом на вопрос:

— А вы где остановились?

Татьяна снимала комнату в частном доме недалеко от моря. Она часто ездила на море одна. Её работа в школе давала неоспоримое преимущество в виде продолжительного летнего отпуска. Она успевала и на своей даче поработаться, и на десять дней слетать к морю. Её муж, Андрей, работал на производстве, где летние отпуска считались редкой удачей. Он никогда не препятствовал желанию жены куда-нибудь съездить, тем более что их северное лето редко баловало тёплой погодой. Она была благодарна мужу за эту свободу, которая казалась ей знаком его доверия. И это доверие она ещё ни разу не обманула. И не потому, что насильно сдерживала какие-то свои желания, а потому, что не было у неё на курорте никогда никаких сомнительных желаний. Она любила море. И возможность поплавать, погулять вдоль берега под шум прибоя была заслуженной наградой за упорный труд зимних месяцев дома, в Двинске. Её муж знал это. Как знал и Татьяна, и это знание не давало ему оснований усомниться в ней.

— Пойдёмте, — сказала она и двинулась вперёд вдоль берега. Артемий пошёл рядом.

Артемий не знал, о чём ему говорить с незнакомой женщиной. Но поймал себя на мысли, что вовсе не тяготится её присутствием, шагая рядом.

Ему была приятна её благодарность за спасение. Но он не чувствовал гордости за свой поступок, скорее, томила жалость к женщи-

не, которая по своей неосмотрительности чуть не утонула.

— Знаете, — вдруг почти жестко заявил он, не сбавляя шага, — прежде чем входить в море, нужно трезво оценивать ситуацию. Помните о том, что необходимо вернуться. Зачем вы полезли купаться в безлюдном месте, да ещё при наличии красного флага на пляже?

Татьяна вздрогнула. Ей показался знакомым не столько голос, сколько интонация — уверенная, безапелляционная. Даже обвинительная.

«Сторона обвинения, — мысленно ахнула она, внезапно догадавшись, кто идёт рядом с ней. — Это же бывший прокурор города Двинска Шеков Артемий Александрович...»

Да разве можно было ей узнать его сразу, через двенадцать лет после истории с аварией сына, да ещё при таких обстоятельствах? По-прежнему оставаясь стройным, он поседел, загорелое лицо оставалось бесстрастным. Она решила не выдавать себя, не обнаруживать своё давнее знакомство с ним. Да и какое это было знакомство? От Артемия Шекова зависела судьба её сына Тимофея, поэтому её женская память намертво сохранила и детали мучительных переживаний, и глубокую материнскую благодарность к этому человеку.

«Значит, он снова спас меня», — подумала Татьяна, а вслух сказала:

— Ну вот, мы пришли.

Действительно, они уже стояли перед двухэтажным домом с кованой чёрной калиткой.

— Подождите немного. Я переоденусь и верну вашу рубашку, — весело проговорила Татьяна и шмыгнула в калитку.

Артемий осмотрелся. У калитки рос роскошный куст розового шиповника, из-за забора поднимались кроны фруктовых деревьев. Под раскидистой яблоней с наружной стороны забора он заметил небольшую скамейку. Подошёл, присел в тенёк. Оставаясь обнажённым до пояса, он не стеснялся своего сильного тела и уже успевшей зажить раны. Артемий спокойно ждал, и это ожидание вернуло его к мыслям о его жизни, о том, что было. А о том, что будет, ему думать не хотелось.

3

За две недели пребывания в санатории Артемий не познакомился ни с одной женщиной. Не хотел знакомиться. Его разгромленная личная жизнь не вдохновляла на попытки её возобновления с кем бы то ни было. В родном Двинске, где он в молодости работал прокурором, осталась его бывшая жена. Дети давно выросли и жили отдельно со своими семьями.

Была у него ещё недавно любимая женщина, Ксения. Была... Он встряхнул головой, словно прогоняя воспоминания. Молодая, красивая блондинка Ксюша очаровала его своей молодостью и свободой.

Ксения никогда не была замужем. И это обстоятельство подогревало мужское самолюбие Артемия — ведь она только его, и всё. Больше ничья. Артемий справедливо соглашался с утверждением, что мужчина — собственник. Собственник, конечно. Если есть у него женщина, то она должна быть только его.

Артемий вздохнул. Ксения и была только его, пока он был здоров, при должности и деньгах. Мало того — она хотела выйти за него замуж, о чём нередко прозрачно намекала ему. Но, пережив тяжело свой развод, Артемий справедливо опасался наступать снова на те же грабли и с новым браком не торопился. Ведь им с Ксенией и так было хорошо!

Конечно, она требовала от него немало — любила и наряды, и украшения. А какая женщина их не любит? Артемий считал, что его материальная поддержка своей женщины в порядке вещей, как в порядке вещей у него была и постоянная поддержка своего младшего брата, теперь уже взрослого мужчины. Артемий в семье был старшим. И после смерти родителей считал своим долгом заботиться о брате, оставшемся, как и он, сиротой.

Поэтому в своей жизни Артемий Шеков привык брать на себя ответственность за других людей. Вот и эта незнакомка обезбашенная, что бы она без него делала? Артемий поймал себя на мысли, что не знает имени этой женщины. А впрочем, зачем ему её имя? Вот отдаст сейчас его рубаху, и они расстанутся.

Хлопнула металлическая калитка. Из неё выпорхнула Татьяна в коротких бежевых шортах и в бирюзовой блузке. Лицо у неё уже порозовело, глаза сияли радостью. Артемий машинально отметил длинные красивые ноги, прихваченные золотистым загаром. Сползшая с плеча летняя блузка обнажила загорелое плечо, на котором не было бретельки от дамского белья. Артемий опустил глаза, скользнув взглядом по её крепкой груди, затем быстро отвёл их в сторону, протягивая руку за поданной ему рубашкой. На руке Татьяны он с удовлетворением отметил обручальное кольцо.

— До свидания, — поклонившись, тихо промолвил он.

— До свидания! — весело ответила Татьяна. — Спасибо вам огромное ещё раз! — улыбаясь, добавила она.

Артемий немного помедлил, разглядывая свою рубашку, затем надел её, тщательно застегнул на все пуговицы и, по-военному развернувшись, зашагал прочь.

4

Войдя на территорию своего санатория с революционным названием «Буревестник», Артемий сел на качающуюся деревянную скамейку, закинул ногу на ногу.

Итак, прошло две недели его лечения здесь. Ещё две недели оставалось. А что впереди? Его отправили в санаторий после госпиталя, где буквально вытащили с того света...

Тот свет сошёлся с жизнью вплотную в один солнечный весенний день. Артемий, как часто бывало по долгу службы, прибыл на служебной машине к зданию суда. Ничто вокруг не предвещало опасности. Уже начинали цвести магнолии, небо наполнилось такой глубокой синевой, что напоминало море в утренние часы штиля.

За годы своей работы на Кавказе Артемию Шекову приходилось не только сталкиваться с угрозой, но и часто предупреждать её. Именно здесь он научился ценить жизнь как никогда. И на вопрос, что такое счастье, он ответил бы просто: «Проснулся утром живой — вот и счастье!»

С исходом чеченской войны спало и напряжение, Артемий давно перестал оглядываться по сторонам. А, как оказалось, зря...

В этот день должно было слушаться банальное дело о злостной неуплате алиментов. Не платил мужик годами алименты на своих детей — подала жена иск в суд. Семейное дело. Ни терроризма, ни уголовщины.

Поднимаясь в здание суда по ступенькам длинной бетонной лестницы, Артемий отметил идущую впереди грузную мужскую фигуру. Черноволосый мужчина медленно шагал по ступеням. Засунутые в карманы брюк руки придавали его походке вальяжной небрежности, демонстрировавшей пренебрежение миру. Артемий успел заметить, как в тамбуре здания мужчину остановил судебный пристав, потому что запищал металлоискатель. И тут же раздался взрыв. В глазах Артемия взметнулось пламя, взрывной волной его отбросило назад, на бетонные ступени...

Очнулся он в госпитале. Уже после операции, но всё ещё неподвижный, силился вспомнить, что же случилось. Не смог. Как ему рассказали позднее, на входе в здание привёл в действие взрывное устройство алиментщик, дело которого должно было рассматриваться в суде. Вместе с ним погиб на месте молодой судебный пристав, у которого осиротели двое маленьких детей. Артемий, выходит, в рубашке родился...

Скрипели качели, взмахивали пушистыми зелёными ветвями сосны над головой Артемия, возвращая его воспоминаниями к тем горьким дням. Он невольно поморщился, вспомнив, как к нему в палату вдруг заглянула его Ксения — белокурое лучезарное создание, обдав радостью своего присутствия.

— Здравствуй, — прошелестел бледными губами Артемий, силиясь улыбнуться. Ведь она здесь, рядом! Поэтому он непременно выкарабкается, ведь любовь — это и есть жизнь...

Ксения присела около него на белый металлический стул. Слегка дотронулась рукой до забинтованного плеча Артемия, натужно проговорила: «Привет».

Она уже знала, что прогнозы врачей неутешительны. Артемий не так пострадал от само-

го взрыва, как от падения на бетонные острые ступени здания суда. Взрывом ранило его в плечо. А вот позвоночник был сломан от сильных множественных ударов о злосчастную лестницу. Повреждены нервы, отвечающие за движения. То есть, как ей объяснил доктор, Артемий может остаться парализованным навсегда. Если не лежачим, то в инвалидной коляске.

Ксения ценила свою жизнь и была не готова к таким жертвам. Ежедневный уход за искалеченным мужчиной никак не укладывался в её планы. В глубине души она даже не жалела его, а попрекала — как смог он обмануть её надежды на замужество, их будущую счастливую обеспеченную жизнь!

К своим тридцати пяти годам красавица Ксения ни разу не была замужем. Артемий привёз её из Алтайска, куда ездил в краткосрочную командировку. Она работала секретарём в местной прокуратуре, несмотря на три своих диплома о высшем образовании. Дипломы были модные — юриста, экономиста и менеджера. Но в их маленьком городишке не было достойных мест для их применения.

В прокуратуре была неплохая зарплата и соцпакет. Привлекательной стороной работы оказалось и то, что коллектив был почти весь мужской. Это обстоятельство позволяло Ксюше чувствовать себя этаким цветком в унылом лесу. Ей нравилось мужское внимание, как нравилась некоторая зависть, как ей казалось, её школьных приятельниц, работавших продавщицами в магазине.

Приятельницы — Ольга и Мария — были её бывшими одноклассницами. Вышли замуж за обычных парней из своего городка, родили по двое детей, тянули семью, зарабатывая наравне с мужьями. Но разве о такой жизни мечтала Ксения? Разве такие женихи были ей в пару? Она мечтала о принце, который посадит её на своего прекрасного коня и увезёт далеко-далеко, туда, где никто не знал ни её прошлого, ни настоящего. Там было только прекрасное будущее! И Артемию она расписывала свою одинокую молодую жизнь — ну не было рядом никогда достойных мужчин кроме него, Артемия... Артемий расцветал от сознания, что в

жизни такой прекрасной особы он и есть её единственный мужчина, которого она дождалась-таки вопреки злой судьбе...

Откуда ему было знать, что Ксения никогда не была замужем не потому, что не хотела. Причина была в другом: никто и не собирался на ней жениться. И подарки дорогие дарили, и материальной помощью не обижали. Как свои принцы, так и приезжие. На простых-то она не смотрела. Только на перспективных. Артемий и был перспективным — разведён, при хорошей должности и материальном благополучии. Щедрый. Красивый. Принц, одним словом!

И в областном городе Дальнегорске он устроил её работать в областную прокуратуру, где трудился сам. Правда, на ответственных высокооплачиваемых должностях работа у неё как-то не сладилась, несмотря на три высших образования. Артемий обещал устроить её на работу в мэрию как менеджера-управленца в экономический отдел. Ксения была счастлива. Наконец-то! Она построит свою счастливую семью с Артемием, от которого вот-вот ждала официального предложения.

И он искренне намеревался его сделать. Но прогремел неожиданный взрыв, которым разнесло не только чужие человеческие жизни, но и личную жизнь Артемия. Ксения к нему в госпиталь больше ни разу не пришла. Она ограничилась одним коротким визитом и упорхнула, выдохнув на прощание: «До встречи!»

И встречи больше так и не состоялось...

— Артемий Александрович! Артемий Александрович! — услышал он крик медсестры, спешащей к нему по липовой аллее санатория.

— Куда вы пропали? Массаж пропустите! — запыхавшись, быстро проговорила молодая хорошенькая медсестра Томочка, приблизившись к нему. И уже мягче добавила:

— Вам восстанавливаться нужно. И процедуры пропускать нельзя. Пойдёмте.

Кокетливо улыбнувшись, жестом она предложила взять её под руку.

Артемий поднялся с качелей, галантно подхватил медсестру под локоток, и они двинулись в сторону лечебного корпуса.

Через пару дней после того случая на море Татьяна окончательно пришла в себя. Она решила, что нужно побороть свой страх и продолжить купаться, просто проявляя осмотрительность и осторожность. Прав был Артемий Шеков — она сама виновата в том, что случилось.

Недавнее происшествие взволновало её. И не только реальной угрозой опасности, но и новой встречей с человеком, которого она помнила благодарной памятью. Он однажды выручил её при опасности быть уволенной с работы, спас её сына от судимости и восстановил справедливость. И через двенадцать лет она помнила его имя — Шеков Артемий Александрович. Бывший прокурор города Двинска. Тогда, двенадцать лет назад, он неожиданно куда-то уехал. Перевод прокурора на новое место — обычная практика. И Татьяна никогда не интересовалась куда. Просто помнила его, и всё. Наверно, благодарность — это тот след в сердце женщины, который мужчина своим поступком оставляет там навсегда.

Конечно, он не помнит её. Трудно представить, сколько людей прошло в его прокурорской жизни. И она не стала признаваться, что знает его. А зачем? Он спас её тогда, спас сейчас. Может, у него это в порядке вещей — спасать. И вовсе не обязан он помнить всех спасённых. А вот спасённые своих спасателей помнят. Татьяна вспомнила, как он выносил её на руках уже у берега, чтоб не захлебнулась она от страха в высокой прибойной волне. Известно, что такая волна намного сильнее и выше, чем в море. До сих пор она помнит нежную силу его мужских рук, подарившую ей чувство защищённости.

Нежная сила... Пожалуй, за всю свою женскую жизнь она не испытывала ничего подобного. Слава богу, мужу никогда не приходилось спасать её. Но и в обычной жизни она не чувствовала в его лице защиты ни от жизненных проблем, ни от её личных недругов. Она всё всегда решала сама. Искала работу, делала дома ремонты, руководила ремонтом дачи, помогала взрослому сыну в решении жилищных и личных проблем.

Она никогда не боялась брать на себя ответственность за других людей. Сына она не воспитывала маменькиным сынком. Он им и не был. Но Татьяна, чувствуя, что в определённый момент её Тимофею нужна помощь, сама деликатно предлагала её, не настаивая ни на чём.

Однажды он, словно походя, нарезая на кухонном столе хлеб к обеду, со вздохом и как бы между прочим сказал: «А если мне очень нравится одна девушка, но у неё уже есть кто-то другой, то что делать?» Он продолжал резать хлеб, не поднимая на мать глаз. Нарезал столько, что и за неделю не съесть...

Татьяна уверенно ответила: «Отбить!» Сын отложил нож и резко повернулся к матери: «А это правильно? Разрушать пару разве можно?»

Конечно, проще всего было посоветовать сыну найти другую, свободную, девушку, каких в его молодом возрасте много, а не наживать ему новых проблем. Ведь неизвестно, кто эта девушка и кем может оказаться этот «кто-то», который у неё уже есть.

Но Татьяна как женщина была убеждена, что у достойной молодой девушки, конечно, есть кавалер, если она не какая-нибудь замухрышка, которая никому не нужна. И если Тимофей её полюбил, значит, она того заслуживает.

Татьяна откинула на спину свои длинные медные волосы и чётко произнесла, глядя сыну прямо в глаза: «Знаешь, сынок, мужчина за женщину должен бороться. Если он её любит, конечно. Счастье никогда не даётся просто так. Ты должен стать для неё лучше, чем этот «кто-то». И, уже улыбнувшись, погладила его по голове со словами: «А женщины любят, когда их добиваются». В кухню неожиданно заглянул муж Андрей и раздражённо прервал Татьяну: «Чему ты его учишь?!»

«Я его учу быть счастливым в жизни», — спокойно возразила Татьяна и вышла из кухни.

К этой теме они в своей семье больше не возвращались.

Но сейчас, спустя годы, Татьяна мысленно благодарила Бога за то, что в нужный момент он управил так, чтобы Тимофей услышал совет матери. Ведь у них со Светланой получилась прекрасная семья, в которой подрастали двое детишек на радость не только их родителям...

Вспомнив внуков, Татьяна счастливо улыбнулась. Она вовсе не стеснялась своего статуса бабушки, хотя ещё была довольно хороша собой и выглядела значительно моложе своих лет. Её всегда удивляло, что некоторые женщины таких же лет запрещали своим внукам называть их бабушкой, и они называли бабушек просто по имени — Марина, Галя, Валя... Как будто звание бабушки могло состарить женщин больше, чем они состарили сами себя ленью или вредными привычками.

Татьяна вела здоровый образ жизни, не только стремясь продлить свою молодость и сохранить женскую привлекательность. Она любила движение, ведь движение — это жизнь. И, наплававшись за день в море, по вечерам обязательно выходила на прогулку. Прогулка давала радость насладиться вечерним морским воздухом Приморска и пройти несколько километров пешком. Зато к ночи она так уставала, что бессонница не навещала её, как бывало это часто дома, в Двинске.

На вечернюю прогулку Татьяна не надевала специальных вечерних нарядов, как многие курортные дамы. Оставаясь в шортах и маечке, она привычным движением собирала волосы на затылке в пучок, стягивая их бархатной широкой резинкой под цвет своего гардероба. Затем, надев белые босоножки на невысоком каблучке, отправлялась в городской парк, который находился на набережной.

6

На приморской набережной по вечерам было всегда оживлённо. Из уличных кафешек доносилась музыка, аппетитно пахло шашлыками, слышался женский смех. Нарядные пары неторопливо прохаживались по мощёной набережной, фотографируясь у скульптур или фонтанов, чтоб навсегда сохранить удивительные моменты своей счастливой курортной жизни...

Вдоволь находившись вдоль моря, Татьяна направилась в сквер с поющими фонтанами — своему любимому месту отдыха. Присев на скамью под раскидистым каштаном, она стала

смотреть на танцующие струи. Они переливались разными цветами и, казалось, танцевали в такт музыке. Звучали разные мелодии — русская классика, зарубежная эстрада. Некоторые мелодии Татьяна узнавала, а некоторые слышала впервые.

— Разрешите? — раздался рядом мужской голос.

Татьяна подняла голову — перед ней стоял не кто иной, как Шеков Артемий Александрович.

— Просто больше нигде мест свободных нет, — извиняющимся тоном проговорил Артемий и обвёл рукой занятые скамейки.

— Присаживайтесь, — разрешила Татьяна и немного подвинулась, освобождая для него место. Артемий сел рядом, откинувшись на спинку скамьи.

— И как вы себя чувствуете? — поинтересовался он, не глядя на Татьяну.

— Прекрасно чувствую. Спасибо вам, — повернула она к нему голову, всматриваясь в его лицо. «А он за эти годы мало изменился. Всё такой же красавец. Только волосы поседели», — отметила про себя Татьяна, а вслух произнесла, услышав пронзительно знакомую музыку:

— «Лунная соната».

— Бетховен, — утвердительно продолжил Артемий.

Они слушали мелодии одну за другой, называя композиторов, иногда угадывая их творения, а иногда и нет. Эта игра увлекала, как увлекала сама музыка, переливающаяся разными цветами в волшебных танцующих струях...

Артемий вспомнил, что он даже не знает, как её зовут. И она не спросила его имени. Он с невольной тревогой подумал, что стал неинтересен женщинам.

— А вы откуда? — спросил Артемий, когда музыка уже стихла, но люди ещё не спешили расходиться, наслаждаясь тёплым южным вечером.

— С севера, — уклончиво ответила Татьяна, не называя своего города Двинска, который когда-то был и его, Артемия, родным городом. Она решила не выдавать себя, не обнаруживать давнее знакомство с ним. Так ей было легче. Она стеснялась признаться самой себе, что её влечёт к этому мужчине необъяснимая

сила, которую она никогда не чувствовала у других мужчин. Нежная сила...

— Может, зайдём в кафе? — предложил Артемий, поднимаясь с места и почему-то боясь отказа. Хотя ещё недавно он боялся активных женщин, которые здесь, в курортном городке, просто клеились к нему с тайной надеждой не только на знакомство, но и его мужскую щедрость.

— Спасибо, но мне пора, — просто сказала Татьяна и тоже поднялась.

Артемий помнил, где она жила, и пошёл рядом с ней — просто так, даже не успев подумать о том, что хочет проводить её.

— А вы часто ездите на курорт одна? — вдруг несмело спросил он, сам испугавшись своей бестактности.

— Часто, — просто ответила Татьяна. — У меня отпуск всегда летом. А муж в это время почти всегда работает. А что? Это, по-вашему, неприлично для женщины?

— Да нет, — отчего-то смутился Артемий, хотя сам всегда считал, что одиночные женские поездки на курорт плохо характеризуют женщин в глазах мужчины.

— Мне ещё внукам успеть позвонить надо, пока они спать не легли, — Татьяна пошла быстрее. — А то я телефон дома оставила.

Внукам? Артемий взгляделся в неё. Она была не похожа на бабушку, но и не скрывала этого от него, мужчины. В ней не было никакой фальши, которую он так часто наблюдал в других женщинах, — ни во внешности, ни в разговоре. Она была так естественна и чиста, и вместе с тем притягательна, что Артемий решил словно ненароком дотронуться до её руки. Но, наткнувшись на обручальное кольцо, отёрнул руку, поглубже убрав в карман белых брюк.

— Вы даже не знаете, кто я, а идёте со мной. Не боитесь? — осведомился Артемий.

— А чего мне вас бояться, если вы уже спасли меня?

— Логично, — согласился Артемий, боясь потерять тонкую нить разговора, связывавшую их в эти минуты.

— Логика — приоритет мужчин, — продолжала Татьяна. — Женщина понимает мир через

чувство, а не через разум. Вот я, например, всегда доверяю своей интуиции. И она меня, знаете, ещё ни разу не подводила.

— В каких вопросах вас не подводила ваша интуиция? — немного насмешливо спросил Артемий, предполагая про себя, что женская интуиция не подводит своих обладательниц лишь в области косметики или шопинга.

— В разных, — спокойно ответила Татьяна. — Например, когда мой взрослый сын спрашивает меня, стоит ли ему менять работу на вновь предложенную, или муж-механик спрашивает, какую ему лучше купить машину, то в поисках ответа я всегда прислушиваюсь к себе, ровным счётом ничего не понимая ни в машинах, ни в работах. И в итоге мои советы оказываются полезны. — Она остановилась и посмотрела Артемию прямо в лицо. — Подчас полезнее мужских.

Он тоже остановился, разглядывая её. Что-то неуловимо знакомое было во всём её облике, в голосе и даже жестах. Кто эта женщина? И почему у него такое ощущение, что он очень давно знает её?

— Мужчина всегда умнее женщины, — продолжала Татьяна, неотрывно глядя на Артемию. Артемий молчал. Ему было странно слышать это утверждение из уст женщины — такой уверенной и красивой.

— Умный мужчина умнее умной женщины, — уточнила Татьяна и добавила: — Ведь в принятии решений мужчина руководствуется своими знаниями, логикой, здравым смыслом. А женщина — эмоциями.

Татьяна подумала о том, что и её давнее намерение обратиться к нему — прокурору — по поводу уголовного дела своего сына тоже было продиктовано чувствами, подсказано интуицией.

Прав был её сын Тимофей, что нелогично в прокуратуру жаловаться на саму прокуратуру... Но в результате Татьяна оказалась права. Её чувства были мудрее разума.

Артемий невольно вспомнил, как бывшая жена всё время старалась продемонстрировать ему своё умственное превосходство, иногда даже называя дураком, когда он поступал, как ему казалось, не с выгодой для себя, а по совести.

— А чего же мы стоим? — тихо спросил Артемий, не в силах оторвать взгляда от Татьяны, которая была прекрасна в лунном свете южного вечера.

— Потому что дорога кончилась. Пришли уже.

Артемий только сейчас как будто очнулся — действительно, они стояли у дома с кованой чёрной калиткой, в котором снимала комнату Татьяна. Крупными созревшими соцветиями качались звёзды над их головой. Заливисто пели цикады. Словно прислушиваясь, они на мгновение замолчали.

— До свидания, — протянула она ему руку на прощание.

— До свидания, — он в ответ пожал её тёплые пальцы...

7

На территории санатория «Буревестник» тихо: в густых южных сумерках светились окна корпусов, круглые фонари по краям аллей напоминали маленькие луны, обливая дорожки холодным голубоватым светом.

«Надо же, даже на чай меня не пригласила, — с некоторой досадой подумал Артемий о новой знакомой, с которой расстался несколько минут назад. — И зачем ездят на курорт одинокие жёны?» — уже иронично усмехнулся он про себя, открывая стеклянную дверь корпуса. В холле навстречу откуда-то из-за колонны выпорхнула медсестра Томочка.

— Артемий Александрович, а вы откуда так поздно? — прошептала она, беря его под руку.

В её больших синих глазах светился не только вопрос, но и тревога.

— Да гулял просто, — попробовал отмахнуться Артемий, но ему это не удалось.

Томочка ещё крепче прижалась к нему, когда шла рядом с ним в его одноместный номер. Войдя в комнату, Артемий даже не успел найти выключатель, чтобы включить свет. Он почувствовал жаркое дыхание медсестры на своей щеке, трепет её губ.

— Артемий Александрович, вам ведь восстановиться надо, — прошептала Томочка, расстёгивая рубашку на его груди.

– Надо, – согласился Артемий и припал к её губам...

Татьяна своим маленьким внукам позвонить так и не успела – было поздно, а нарушать их режим она не хотела. Не включая свет в комнате, она, не раздеваясь, легла на кровать. В проёме окна висела большая голубоватая луна, как праздничный шар на новогоднем торжестве.

«Артемий, Артемий...» – думала про себя Татьяна, шёпотом повторяя его имя и прислушиваясь к томительному волнению, которое мягким теплом разливалось внутри. Тепло то подкатывало слезами к глазам, то заставляло чаще биться сердце.

Она вспомнила, как он, будто случайно, коснулся руки и как ухнуло куда-то её сердце. Как тогда, в прокуратуре, когда она впервые увидела его много лет назад. Может быть, и тогда это был не страх, а предчувствие, её интуиция, которую она так и не распознала за эти годы.

За последние пятнадцать лет многое изменилось и в её семейной жизни, хотя внешне всё оставалось по-прежнему. С мужем они не ссорились, как ей казалось, по причине полного равнодушия друг к другу. Андрей давно не интересовался её жизнью и никогда не разделял её увлечений. Она любила природу и нередко звала его погулять по лесу или вдоль озера. Но он считал это абсолютно бесполезным занятием. «Не понимаю, какой смысл бродить просто так», – раздражённо приговаривал он, шагая с ней рядом во время их редких совместных прогулок. Или того проще – оставался ждать её в машине, пока она гуляла неподалёку. Как только надоедало слушать новости по радио, начинал сигнализировать, чтобы она немедленно возвращалась. Разве могла Татьяна получить удовольствие от таких прогулок? И в этом её муж был не виноват, как считала она.

Просто они были совершенно разные люди и их интересы ни в чём не совпадали. Собственно, из всех человеческих интересов Андрей выбрал три: диван, телевизор и интернет. Поэтому бывал искренне рад, когда

жена отправлялась гулять одна или с подругой, не отрывая его от объектов мужской привязанности.

А в последние годы Татьяна уже была убеждена, что и на курорты он её легко отпускает не из-за доверия, а полного равнодушия. Её удивляло, что он никогда не звонил ей, когда она была в отъезде, никогда не требовал послать ему смс-сообщение о том, как она доехала и всё ли с ней в порядке.

Живя вместе под одной крышей, они давно привыкли обходиться друг без друга.

Поскольку Андрей работал по сменам, то их режим дня тоже не совпадал, и как-то само собой получилось, что они и спать стали в разных комнатах. Однажды она осторожно спросила, нет ли у него другой женщины. На его удивлённый взгляд она торопливо пояснила, что в этом случае готова отпустить его без всяких скандалов.

Другой женщины у Андрея вообще никогда не было. И это тоже было правдой. Но, удивившись вопросу жены, он озадаченно спросил: «А тебе что – это ещё надо?» Ему уже было не надо. Но разве может женщина хотеть мужчину, которому она не нужна?

Поэтому к Андрею она с «этим» уже не приставала, что его вполне устраивало. Иногда ей снились эротичные сны. Она никогда не видела лица приснившегося ей мужчины, но знала, что это был один и тот же человек, которого она уже привыкла чувствовать и наслаждаться этим чувством, не ощущая за собой никакой вины.

Внизу хлопнула калитка – наверно, пришёл кто-то из загулявших постояльцев гостевого дома, в котором жила Татьяна. На улице раздались приглушённые голоса и стихли.

Татьяна торопливо разделась, подумав о том, что душ примет утром, и провалилась в сон...

Ей снился Артемий – она узнала его. Они пили чай за самоваром в старом деревенском семейном доме. За столом сидели её давно умершие родители и бабушка. Они молча улыбались. Артемий обнимал Татьяну, она чувствовала тепло его тела, слышала его мягкий голос и даже во сне понимала, что только с ним она по-настоящему защищена от всех

невзгод этой жизни и только с ним ей нечего бояться...

Нежная сила его рук была нежной силой её сердца...

8

Вечером следующего дня они, не сговариваясь, встретились в парке на набережной всё на той же скамейке под музыку Рахманинова. На Татьяне было длинное платье — тёмно-синее, с крупными бежевыми цветами на груди и по подолу. Артемий пришёл в своих прежних белых брюках и в белой футболке. Они улыбнулись друг другу, как старые знакомые.

— Может, пора познакомиться? — улыбаясь, спросил Артемий. И тут же первым назвал своё имя.

— Редкое, — то ли удивилась, то ли восхитилась Татьяна. И тоже представилась.

Артемий уже не опасался её, как опасался многих женщин из-за капризов, истерик, назойливости. Он не любил экзальтированных дам и самовлюблённых особ. Татьяна подкупала его своей мягкостью и каким-то внутренним благородством. «Эта за меня цепляться не будет», — с удовлетворением подумал Артемий, разглядывая счастливое, сияющее лицо Татьяны. «Вся просто светится изнутри», — отметил про себя он, а вслух неожиданно сказал:

— Хотите, я вам свои стихи прочитаю? — И, не дожидаясь ответа, негромко продекламировал:

*Засыпает первым снегопадом
Угли догоревшего костра.
Не смотри своим горящим взглядом
Ты в мои потухшие глаза...*

— Неплохо. Только рифма «костра-глаза» неудачна.

— А вы пишете стихи? — осведомился с интересом Артемий.

— Нет. Я их читаю. И ещё учу понимать, потому что преподаю литературу. В школе.

— И что вы поняли из этого стихотворения? — искренне поинтересовался Артемий.

— Догоревший костёр — это догоревшая лю-

бовь лирического героя. Он давно разлюбил, поэтому и глаза у него потухшие. И этот герой уже не может обещать своей любви женщине, которая смотрит на него горящим взглядом, то есть с надеждой на любовь. Первый снегопад безвозвратно засыпает тот костёр, одновременно обещая лирическому герою и новую жизнь.

— Правда? — восторженно спросил Артемий, корпусом развернувшись в сторону своей собеседницы, словно её слова стали для него желанным откровением его будущего, которые он давно ждал.

— Правда. Ведь первый снег — это всегда символ обновления, так трактуется этот образ в литературе, — утвердительно поведала Татьяна.

— И чему же учит нас классическая литература? — ещё больше оживился Артемий, двинувшись ближе к Татьяне.

— Классическая литература объясняет человеку, в чём причина его несчастий, а также указывает путь к счастью, — убеждённо, по-учительски заверила Татьяна, покачивая ногой в такт музыке. На этот раз звучали вальсы Штрауса. С моря дул освежающий бриз. На их лицах играли цветные блики поющих фонтанов, и от этого всё происходящее казалось сказочным вымыслом, прекрасной нереальностью. Артемий вдруг почувствовал себя так легко рядом с этой женщиной, что непринуждённо спросил:

— А почему я несчастен?

Татьяна изумлённо взглянула на него, и он так же легко пояснил:

— Ни семейная, ни личная жизнь у меня не складываются. Никак. — И как бы в шутку добавил: — А вы не знаете, почему?

И тут же сам ответил на свой вопрос:

— Наверно, потому, что я не умею любить женщину.

— Умеете. Просто не знаете об этом, — негромко возразила Татьяна. — Вы красивы, интересны, наверно, без вредных привычек, — озадаченно начала перечислять она и вдруг серьёзно предложила:

— А давайте поговорим о том, что мужчины знают о женщинах и наоборот. Может, откроем для себя что-то новое. Ну, вот вы, напри-

мер, какую черту женского характера считаете общей, присущей многим?

— Женщины меркантильны, — убеждённо ответил Артемий, вспоминая и свой развод с женой, и постоянные материальные требования Ксении.

— На женщину надо тратиться, — мягко поправила его Татьяна. — На одних женщин — деньгами, на других временем, вниманием, на третьих — любовью. Но меркантильны далеко не все. Меркантильность — это желание получить от мужчины материальные блага даже при отсутствии желания его самого. И меркантильные женщины — это, как правило, охотницы за мужчинами, которые их выслеживают и атакуют...

Татьяна отметила, что Артемий насторожился. Он слушал очень внимательно. Она продолжила:

— С такими женщинами мужчина просто забывает о существовании других, которых он должен добиваться, отвоёвывать у соперников. Такова природа, в которой самцы бьются за самку, а не наоборот.

Артемий немного подумал и неуверенно возразил:

— А если женщина уже занята, то зачем мне смотреть в её сторону? Ведь немало и свободных женщин, которые просто не успели встретить достойного мужчину.

— Молодые свободные женщины, может, и не успели ещё встретить суженого. А вот если женщина до сорока ни разу не была замужем, то это вопрос... — задумчиво протянула Татьяна и продолжила:

— Каждая женщина хочет выйти замуж, чтобы родить детей — таков замысел природы. В этом предназначение женщины. В молодости много потенциальных невест и женихов. И если здоровая девушка не получила ни одного предложения — то это тревожный сигнал. А если никого из претендентов не выбрала — то не умеет оценивать мужчин по достоинству, видеть эти достоинства, которые у всех разные. Или не умеет любить. Из таких как раз и проявляются меркантильные особы, которые рассматривают только выгодные для себя партии.

Артемий поморщился, вспомнив Ксению.

Как ему передавали сослуживцы, она быстро утешилась, найдя замену раненому Артемию в лице овдовевшего генерала.

Они вдруг одновременно замолчали. Татьяна вспомнила, как в детстве в таких случаях говорили: «Наверно, милиционер родился». Почему именно милиционер — было непонятно. Но с этим утверждением никто никогда не спорил.

Их молчание на фоне вальса Свиридова и тихого журчания фонтанов не было тягостным или неловким, как бывает тогда, когда двум людям просто не о чем разговаривать. Артемий вдруг утвердительно произнёс: «Милиционер родился». Татьяна, запрокинув голову, рассмеялась. Выходит, они думают об одном и том же?

— А вы ещё и весёлая, — одобрительно добавил Артемий и вдруг, словно спохватившись, уже требовательно спросил:

— А что вы как женщина знаете о мужчинах?

Татьяна ненадолго задумалась, потом, словно пытаясь деликатно сформулировать мысль, медленно, с расстановкой, проговорила:

— Я знаю, что мужчина может вполне удовлетвориться близостью с женщиной и без любви.

Артемий сдвинул свои густые тёмные брови, пытаясь осмыслить услышанное, и удивлённо произнёс:

— А разве женщины другие?

Он вспомнил и свою бывшую жену, и Ксюшу, и медсестру Томочку. Разве они когда-нибудь любили его, Артемию, растворяясь в его объятьях?

«Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша», — всплыла вдруг в его памяти незамысловатая песенка. Рана в душе, нанесённая предательством Ксении, ещё кровоточила обидой и ревностью, подрывая доверие к женщинам вообще.

— Другие, — словно эхом, отозвалась Татьяна на его вопрос. Хотя неужели знала она всё и обо всех? Люди судят о других по себе. Татьяна и мысли никогда не допускала, что её может трогать — а уж тем более ласкать! — какой-то чужой мужчина. Поэтому и не было в её жизни никогда никаких чужих мужчин. И только Артемий прокрался в её сны, наверно, ещё из прошло-

го... Похоже, её мозг заблокировал образ мужа и впустил другого мужчину — того, которому она доверяла. После истории с сыном Артемию Татьяна доверяла безоговорочно.

Но она отчего-то не могла признаться ему, что знает, кто он такой. Ей легче было оставаться для него случайной знакомой, каких на курорте у него, вероятно, немало.

.....

Морской ветер перелистывал дни, как листы календаря: на юге они летели быстро, беспечно. Розовые рассветы перетекали в багряные закаты, которые расплывались на небе, как пролитое вино на полотняной скатерти — медленно увеличиваясь и закрашивая алым небесное пространство.

Артемий и Татьяна жили каждый своей курортной жизнью. Они не назначали друг другу встреч, не обменивались телефонами. Но каждый раз, случайно встречаясь то у моря, то на набережной или вечером у фонтанов, непринуждённо говорили друг с другом не только о погоде, но и о самом главном, что было в жизни у каждого. И не было у них страха открыть друг другу свои суждения, которые оказывались им обоим одинаково интересны.

Они говорили о литературе и музыке, природе и рыбалке, политике и международном положении, особенностях семейной жизни и взаимоотношениях мужчины и женщины. И только теперь Татьяна до конца поняла справедливость высказывания Марины Цветаевой, что «человеческая беседа — одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни: отдаешь самое лучшее — душу, берешь то же взамен, и все это легко, без трудности и требовательности любви».

Артемию всё чаще казалось, что он давно знает Татьяну, что ей можно доверить то, что нельзя доверить чужому человеку.

Его томила своя будущая профессиональная неопределённость. Сможет ли он работать в прокуратуре дальше? Или его комиссуют по состоянию здоровья, предложив написать рапорт об отставке.

Он рассказал ей о своём ранении и о том, что

после санаторного лечения должен будет предстать перед руководством, которое и решит его профессиональную судьбу.

— Не переживайте. Всё будет хорошо. Я знаю, — с мягкой уверенностью в голосе говорила Татьяна.

— Знаете? Откуда? — с тайной надеждой спросил Артемий, прекрасно осознавая бессмысленность своего вопроса.

— Когда я говорю, что я знаю, то это не означает того, что мне известны какие-то факты, — искренне ответила она. — Это означает лишь то, что я так чувствую. Всё наладится. Вот увидите.

Артемию слабо верилось в то, что в его жизни может что-то наладиться, но он с благодарностью внимал словам Татьяны, которые лились бальзамом на его израненную душу...

Они во многом совпадали — и не только во взглядах на жизнь, но и в своих пристрастиях. Оба любили просто бродить вдоль моря, наслаждаясь шумом прибоя или нежными красками заката. Им вдвоём и помолчать было о чём.

«Вот это, наверно, и есть счастье, — затаённо думала Татьяна, шагая рядом с Артемием вдоль прибрежной полосы. — Когда просто хорошо с человеком рядом. Когда и его радует то же, что и тебя. Пусть даже такая привычная обыденность, как морской прибой».

Разве стал бы муж вот так запросто бродить вместе с ней, разделяя её очарование окружающей природой? Татьяна вдруг подумала, как это несправедливо, когда люди вовремя не находят друг друга, а когда находят, то всё уже в их судьбах запроотоколировано и сшито.

Артемий, в свою очередь, сравнивая Татьяну с другими женщинами своей жизни, думал о том, что, пожалуй, Татьяна — это та женщина, которую он был готов любить. Естественность её манер и искренность чувств, нескрываемая симпатия к нему самому, а не его деньгам, позволяли Артемию часто думать о ней. И эти мысли его были полны тихой радости. Они не говорили друг другу об отъезде. Как не назначали встреч, так и не назначали никаких прощаний...

9

Артемий сидел один в купе поезда. Два дня назад ему из Двинска позвонила бывшая жена и сообщила, что у них родилась внучка. Вот ведь как бывает — и развелись давно, а семья всё равно держит людей своим продолжением. И невозможностью оборвать эти связи тоже держит, ведь они и есть, по большому счёту, смысл человеческой жизни. Артемий сразу решил, что поедет в Двинск — познакомиться с внучкой, повидать дочь. С женой у них не было неприязни друг к другу, которая, бывает, тянется горьким шлейфом вслед за разводом супругов.

У них есть дети, а теперь вот появляются общие внуки...

За окном, на перроне суетились люди. С чемоданами, корзинами, они так шумно толкались в очереди к вагону, будто боялись, что поезд уйдёт без них. Кто-то уже располагался в вагоне, громко разговаривая через окно с провожающими, обещая передавать приветы и фрукты.

И в этой пёстрой, бурлящей человеческой жизни Артемий вдруг почувствовал себя одиноким. Почему он, Артемий Шеков, красивый, умный, самостоятельный и состоятельный во всех смыслах мужчина, вдруг не нашёл чего-то главного, что составило бы счастье его жизни?

«А может, и нашёл, но бездарно потерял», — вдруг подумал он, непроизвольно вспомнив Татьяну. Как она говорила? «За своё счастье нужно бороться». А разве боролся когда-нибудь за своё счастье Артемий? Он боролся с преступниками, несправедливостью, со своей болезнью, наконец. И он побеждал. Иначе он не был бы Артемием Шековым. Но никогда в своей жизни он не добивался женщины. Бывшая жена досталась «по залёту», а Ксения прилепилась к нему сама из-за своей врождённой меркантильности. Ведь он, пока был здоров, представлял для неё очень выгодную партию. И при статусе, и при деньгах. А Томочка? Таких, как она, было немало в его мужской жизни. Он никогда не рассматривал их на роль своей второй половины.

Артемию хватало женщин. Иной раз они даже утомляли его своей наступательной назойливостью. Сказать прямо — он их просто боялся. И этот страх был продиктован его прежним горьким личным опытом.

«У меня уже нет времени на ошибку, поэтому нет на неё и права», — здраво рассуждал про себя Артемий, одновременно вспоминая Татьяну. А ведь он и её боялся тоже. Сразу не захотел познакомиться и потом даже не узнал, из какого она города, не попросил её телефона. И не попросил тоже из страха — а вдруг откажет, да ещё высмеет его попытки приблизиться к ней.

Артемий тоскливо смотрел в окно — перрон уже почти опустел. Вагон заполнился гомоном людской речи, детским смехом, запахом фруктов.

Татьяна, Татьяна... Хорошо хоть имя успел узнать. Вдруг осознал, что ни с одной женщиной ему не было так легко, комфортно и в то же время интересно. Их разговоры при случайных встречах ни к чему не обязывали — и это обстоятельство привлекало Артемию, как привлекал и факт её замужества. «Чужая жена, что мне о ней думать», — попробовал он отмахнуться от нахлынувших чувств. И впервые от этой мысли ему стало горько; он представил, как Татьяну возьмёт на руки её муж, так же, как он, Артемий, когда выносил её, обессиленную, из моря.

И вместе с ревностью подкатила к сердцу такая нежность, которая когда-то давно выплеснулась в его душе случайными строчками: «Твои рыжеватые пряди осенне-кленового цвета я буду лелеять и гладить до самой зари, до рассвета...»

Он вспомнил длинные волосы Татьяны — они были медного цвета. А может, не медного, а медового... «И запах их спело-душистый с горчинкой ушедшего лета вином молодым и игристым не даст мне уснуть до рассвета...»

Странно, что за многие годы он не забыл эти свои стихи, написанные им ещё в Двинске.

«Наверно, поэзия — это интуитивный способ познания мира и собственной жизни», — с удивлением подумал Артемий, словно открывая для себя что-то новое.

«Господи, – мысленно обратился он к Богу, – управь по разумению своему, наставь меня на путь истинный, не ложный...» Артемий поцеловал свой нательный крест, который всегда тщательно скрывал от посторонних взглядов. Он сам уже ничего не мог изменить.

«Провожающим выйти из вагона!» – раздался зычный крик проводницы, которая в синей элегантной форме с красной отделкой энергично шла по коридору, заглядывая во все купе.

Татьяна торопливо бежала по вокзальному перрону, вглядываясь в номера вагонов поезда. По мощёной платформе бодро стучал колёсиками её синий чемоданчик. Иногда чемоданчик капризничал, выворачивая колёсико в сторону, и приходилось останавливаться. Татьяна нервничала, боясь опоздать на поезд, который вот-вот должен был отправиться на север. Билет она купила только что, и ей повезло, что этот последний билет достался именно ей. Рейсы самолётов уже два дня как отменили из-за нелётной погоды, и многие люди, не желая дожидаться милости природы, ринулись на железнодорожный вокзал.

Ураганный ветер и шторм, разразившиеся на днях в Приморске, разогнали многих отдыха-

ющих не только с пляжа, но и с самого курорта. В штормовые дни Татьяна с Артемием так и не встретились, хотя каждый надеялся на случайную встречу, которыми их щедро одаривала судьба во все последние дни в Приморске.

Запыхавшись, Татьяна втащила в вагон чемоданчик и наконец перевела дух. Проводница проверила билет и чеканно проговорила: «Второе купе, место 7». Татьяна всегда видела в цифрах особый смысл. Семёрку она считала счастливым числом и потому тоже радовалась своей удаче. Немного пройдя по коридору, она открыла дверь купе. За столиком сидел мужчина и смотрел в окно.

– Здравствуйте, – дрогнувшим голосом проговорила Татьяна.

Он обернулся на её голос. Их глаза встретились. Поезд тронулся...

□

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН –

главный редактор журнала «Север».

Автор нескольких книг стихов и прозы.

Лауреат премии Президента Российской Федерации.

Лауреат международных поэтических конкурсов

«Золотое перо» – 2009, «Звезда полей» – 2010,

«Душа и слово» – 2011.

Удостоена Почетного знака «Литературной газеты»

«Золотой Дельви» «За верность слову и Отечеству» – 2015.

Лауреат премии им. А.И. Фатьянова – 2017.

Награждена медалями им. Ф.И. Тютчева

и им. М.Ю. Лермонтова, а также медалью Союза писателей Белоруссии «За большой вклад в литературу».

Секретарь правления Союза писателей России.

Председатель Карельского регионального отделения

Союза писателей России.

Кандидат педагогических наук.

